ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

Белоруссия: переписывание истории началось...

Объектом разговора в настоящем обзоре станет историческая литература из Беларуси, относящаяся к разным жанрам — от популярных книг по истории до учебной литературы для высшей школы. Необходимость в таком разговоре назрела давно. Прошло уже более двух десятилетий с тех пор, как завершилась история Советского Союза, а его территория раскололась на полтора десятка «новых независимых государств», которым, для того чтобы состояться, было необходимо объяснить своему населению объективность и закономерность распада единого государства. И здесь одним из главных «полей битв» стала история. Более или менее значительная толика русофобии, привитой национальной истории, знаменовала собой тот разрыв «пуповины» (то есть советской идентичности, основанной, среди прочего, и на представлениях об общем прошлом), после которого новая независимая нация начинала существовать не только де-юре, но и де-факто.

Длительное время Белоруссия — независимая Беларусь — оставалась в стороне от этих процессов. Именно белорусская (а не российская, как можно было бы подумать) историография дольше всего сохраняла приверженность концептуальным представлениям советского времени, которые эволюционировали постепенно, без видимых скачков. Едва ли не последняя на постсоветском пространстве она не предавалась соблазну русофобии. Однако кажется, в обозримом будущем рухнет и эта, крайняя, цитадель. Впрочем, обо всем по порядку.

«Литвинские» миры Вадима Деружинского

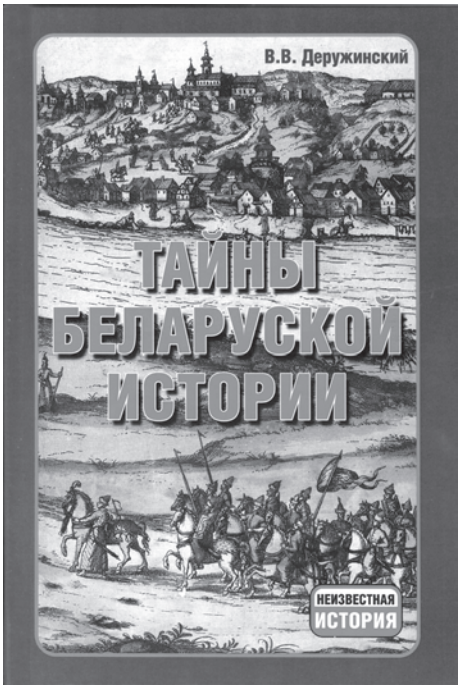
Представления о «полноценности» национальной истории прежде всего предполагают констатацию факта древности «своего» этноса, который по возрасту оказывается ничуть не «младше» народа-«колонизатора». Вот почему белорусского самодеятельного историка Деружинского так бесят замечания о «молодости» белорусского этноса: «Заявления о том, что *беларуский* этнос очень молодой», создают нелепую картину истории. «А кем же, если не *беларусами*, были Всеслав Чародей (XI век), Ефросиния Полоцкая (XII век), Давыд Гродненский (XIV век), Франциск Скорина (XVI век)? Неужели московитами, киевлянами или поляками?» — так напористо заявляет автор уже на первых страницах своего

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — председатель Русского исторического общества.

Ключевые слова: история Беларуси, распад СССР, нациестроительство, постсоветское пространство, национальная история, русофобия, колониализм, оккупация.

опуса, красноречиво озаглавленного «Тайны беларуской истории (именно так — *белАруской*, а не белОрусской; соответственно подлинные патриоты пишут не белОрус, а *белАрус. — П. А.-Д.*)» (*1. С. 6—7* [1]). И далее, не меняя тональности, поясняет: «Путанице в какой-то мере способствует тот факт, что после второго восстания против русского господства (1830—1831 гг.) царь Николай I решил в 1840 году (то есть ждал целых девять лет после подавления восстания? — *П.А.-Д.*) переименовать наш этнос, дабы оградить его от “памяти ненужной” о своей былой государственности. То есть от памяти о Великом княжестве Литовском, захваченном Россией в период с 1772 по 1795 годы. Именно тогда власти империи насильно переименовали литвинов в “белорусов”» (*1. С. 7*). А вот и заключение: «Но вся эта история с переименованиями никак не означала изменения сути этноса. Во-первых, она явилась актом насилия колониальных властей, обеспокоенных постоянными волнениями в “самой мятежной колонии России”... А во-вторых, национальную идентичность народа определяют его генофонд и антропология, материальный уклад жизни, язык и традиции, национальный характер, распространенные типы личности. Все это осталось тем же» (*1. С. 7—8*).

(1) **В. В. Деружинский**. Тайны беларуской истории. *Минск, «ФУАинформ», 2012. 500 с.: ил. (Неизвестная история)*



Прошу прощения за пространную цитату, но без нее автора настоящей рецензии могут легко уличить в неточности. В самом деле, легко ли поверить в то, что современный автор (пусть даже не профессиональный историк, а популяризатор истории) может разбирать проблему этнической идентичности в полном соответствии с представлениями XIX века о «почве» и «крови»? Из приведенных слов самодеятельного историка наглядно видно, что может — да еще как! Но кто же этот неизвестный большой науке специалист?

Представим его подробнее: Деружинский Вадим Викторович, как явствует из раздела «Коротко об авторе» (*см. 1. С. 557*), переводчик по образованию, с 1998 года трудится главным редактором и соиздателем белорусской аналитической газеты «Секретные исследования». Пишет много и на разные темы. Вот названия некоторых его книг: «Энциклопедия аномальных явлений» (2008), «Теория заговора» (2009), «Книга вампиров» (2009), «По следу призрака» (2012) и т. п.

С нескрываемой гордостью автор сообщает о своей принадлежности к роду польских шляхтичей Деружинских: «Его основал польский шляхтич Стефан Деружинский, выходец из ляшского города Белз, который в 1564 году приехал в Беларусь и создал в Витебске первую на *беларуской* территории Школу иезуитов. В ВКЛ был также

[1] При цитировании рецензируемых книг указание на страницы дается по тексту курсивом, где первая цифра обозначает порядковый номер цитируемой книги.

известен Мартин Деружинский (упоминается в документах *войны 1654—1667 годов с Московией*). Во времена *российского господства* Франтишек Деружинский, уроженец Орши, после закрытия в 1820 году Полоцкой академии иезуитов уехал в США, где возглавил Американское иезуитское общество, а также основал первый католический университет в США, который по сей день носит его имя (курсив мой. — *П. А.-Д.*)» (*1. С. 555—556*).

Не совсем понятно, что в этой информации правда. Во всяком случае, старейшим иезуитским и католическим университетом США считается Джорджтаунский, который был основан гораздо раньше 1820-х годов — в 1789-м, и без всякого участия Франтишека Деружинского[2]. В общем, про основателя «первого католического университета» — это ложь. Но зато ненависть к «российскому господству» у В. Деружинского (между прочим, родившегося в России!), кажется, подлинная. И сказанное позволяет понять по меньшей мере некоторые ее источники.

Вне зависимости от того, являлись ли предки первооткрывателя «тайн беларуской истории» шляхтичами или нет (вполне возможно, являлись — ведь в Польше Раннего Нового времени шляхта составляла до четверти населения; была даже шутка о том, что шляхтич отличается от крестьянина тем, что пашет с саблей на боку), и принадлежали ли какие-либо представители этого рода к Обществу Иисуса (более известному у нас как орден иезуитов), однако пропольские симпатии автора говорят сами за себя. Поэтому в первую очередь он стремится опровергнуть «миф» об историческом братстве русского и белорусского народов.

И начинает прямо с... генофонда: «Удалось установить, — пишет Деружинский, — что русские — это не "восточные славяне", а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между русскими и финнами Финляндии составляет всего 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русскими и так называемыми финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории России, равно 2—3 единицам. То есть генетически они идентичны. Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна ближайшая родня русских, кроме Финляндии, — это татары: русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов. Одновременно анализ генофонда беларусов показал, что они генетически весьма далеки от русских, но идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовии. Иными словами, изучение генофонда лишь подтвердило выводы историков: беларусы — это западные балты, а русские это — финны» (*1. С. 128*). Здесь же приводится точная ссылка на источник сведений — статью в газете «Коммерсантъ Власть» за 2005 год, в которой популярно излагаются результаты исследований, проведенных в 2000 году учеными Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

А теперь разберемся, как все обстояло *на самом деле*. Процитированное заявление Деружинского в тексте его книги приводится без кавычек, то есть не дословно. А вот первоисточник — сравните сами: «Так, по Y-хромосоме генетическое расстояние между русскими и финнами составляет 30 условных единиц. А генетическое расстояние между русским человеком и так называемыми финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами и пр.), проживающими на территории РФ, равно 2—3 единицам. Проще

[2] *См.* www.georgetown.edu/about/history/index.html

говоря, генетически они почти идентичны. <...> Под тот же мораторий попадают и результаты анализа митохондриальной ДНК, согласно которым русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют нас от финнов, *а вот между украинцами из Львова и татарами генетическое расстояние составляет всего 10 единиц. И в то же самое время украинцы из левобережной Украины генетически так же близки к русским, как коми-зыряне, мордва и марийцы*»[3].

Сравните — и увидите разницу: в своем пересказе Деружинский «случайно» опустил ту часть цитаты, которую я выделил курсивом и которая полностью меняет смысл всего фрагмента: русские оказываются близки не только «коми-зырянам, мордве и марийцам», но и левобережным украинцам (которые, по Деружинскому — конечно, тоже НЕ славяне (*см. 1. С. 75, 253 и др.*), но ведь и не финны тоже!), а западные украинцы предстают и вообще иным народом — родственным татарам (!). А теперь попробуйте доказать (с позиций «чистой» генетики, как это делает приверженец этнической (чуть не сказал — *расовой*) чистоты Деружинский), что близость русских и поволжских финно-угров — это не результат ославянивания финно-угорских народов. Или объяснить: почему западные и восточные — это не один и тот же народ?

Но это еще не все! Авторы статьи — журналисты (а не специалисты-генетики!) Д. Лаане и С. Петухов подчеркивают, что речь идет лишь о *частичных* данных, поскольку обнародование полной информации было бы возможно лишь с санкции иностранных коллег российских ученых (исследование частично проводилось на средства из зарубежных фондов): не случайно упоминание о моратории на публикации попало и в приведенную мной цитату. Получается, что Деружинский не только занимается некорректным цитированием, но и делает свои выводы на основе не полноценной научной публикации, а ее популярного изложения, причем неполного. Этакий колосс на глиняных ногах!

Но и это еще не все: Деружинский не только некорректно цитирует, но и прямо *врет*. Ведь в статье Д. Лаане и С. Петухова ни о *беларусах*, ни о белорусах не говорится вообще! А потому остается непонятным, откуда взята информация о близости их генофонда к генофонду западных балтов. И это при том, что первооткрывателю «тайн» этот тезис принципиально нужен, поскольку иначе потеряет смысл важнейший для него вывод, столь же «корректно» выведенный на основе других «данных»: «Именно славяне (полабцы, чехи и ляхи) — результат смешения готов с западными балтами в IV веке, молодой народ. А мы — народ намного более древний, живший с нынешними генами и антропологией на территории нынешней Беларуси как минимум 3500 лет назад (то есть во времена древнейших цивилизаций Египта, Месопотамии и Китая. — *П. А.-Д.*). Да, мы утратили в значительной мере наш западно-балтский язык — архаичный и наиболее близкий к языку древних индоевропейцев — вследствие славянизации нашего языка через распространение христианства. Но в генах, антропологии, культуре, традициях и менталитете беларусы все равно остаются западными балтами — как и 3500 лет назад» (*1. С. 74*).

Эти атаки на славянство отнюдь не случайны: они имеют четкую политическую мотивацию. Разобраться в ней позволяют, в частности, слова единомышленника Деружинского — одного из идеологов белорусского националистического движения Олега Кравцова, сказанные им в ноябре 2012

[3] **Д. Лаане, С. Петухов.** Лицо русской национальности. — «Коммерсантъ Власть». 26.09.2005. № 38 (641) (www.kommersant.ru/doc/611986).

года на конференции, посвященной проблемам *беларуской* идеологии: «В СССР, в плане идеологии, нас считали: во-первых, славянами; во-вторых, ветвью (младшим братом) русского народа; в-третьих, вечно страдающими от чьего-то ига и мечтающими "единиться" со "старшим братом". Т. е. нас воспринимали как составную часть российского этноса и российской державы. Эти идеологические кодировки не сняты с нашего народа по сей день. Они являются ментальными оковами, не позволяющими разобраться с нашим прошлым и наметить точки опоры для движения в будущее.

Поэтому *беларуская* нация, чтобы сохранить Беларусь, а *беларуская* власть, чтобы сохранить самое себя, должны проводить в обществе главную идею: "Беларусь должна быть и должна быть всегда!". А это, в свою очередь, требует исчерпывающего объяснения прошлого — что Беларусь была всегда (пусть под разными именами), и что вся предыдущая история вела к тому, чтоб Беларусь снова обрела независимость и никогда больше не исчезла. Но для этого необходима концептуальная перекодировка нации.

В первую очередь надо сменить историческую парадигму. Историческая парадигма — наша проекция в прошлое — должна логично объяснить все причинно-следственные связи, приведшие к нынешнему положению вещей и ведущие нас в светлое независимое будущее. То есть это толкование нашей истории, основанное на исторических фактах, но изложенное исключительно в НАШИХ интересах. При этом мы меньше всего должны думать об ущемлении самолюбия или амбиций соседей»[4].

Небольшой комментарий к словам О. Кравцова. Хорошо видно, как мало значит для него историческая правда. История оказывается не более, чем конструктом, который можно произвольно менять в зависимости от потребностей «текущего момента». Так стоит ли после этого удивляться той беспардонности в обращении с фактами, которую позволяет себе единомышленник Кравцова — Деружинский?

Произвольно тасуя данные источников и сведения, почерпнутые из литературы, последний уверенно отождествляет предков *беларусов* с *литвинами*, которых, наряду с другими древними балтскими этносами — жемойтами и аукшайтами, считает государствообразующим этносом Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) (*см. 1. С. 159—314*). Причем, по его мнению, именно *беларусы*-литвины являлись в княжестве «титульной нацией» (*см. 1. С. 207*). То, что это представление абсолютно не соотносится со сложившимся в науке представлением о том, что литвинами называли все христианское население ВКЛ — как балтское, так и славянское, — Деружинского волнует мало. Озабоченный тем, что Беларуси недостает настоящих героев прошлого, он на пустом месте «ваяет» их едва ли не пачками.

В соответствии с таким подходом литвинами-*беларусами* оказываются знаменитый канцлер Литвы Сапега (1557—1633), князь Януш Радзивилл (1612—1655) (*см. 1. С. 21, 23*), их потомки и некоторые другие выдающиеся военные и политические деятели Речи Посполитой: для столь уверенной идентификации оказывается достаточно одного лишь факта рождения в границах современной Беларуси. Да и сама Речь Посполитая оказывается не чем иным как «конфедеративным государством поляков и литвинов» (*1. С. 27 и др.*).

Отвергая собственно белорусскую историю, Деружинский с готовностью «приватизирует» чужую. Чаще всего — литовскую и польскую, но

[4] **О. Кравцов.** Беларусь должна быть и должна быть всегда! — http://aljans.org/library/byelarus-dolzhna-byt-i-dolzhna-byt-vsyehda

не только. Возьмем, например, сюжет «Литва и Куликовская битва» (*см. 1. С. 315—332*). (Замечу, что из таких лишь косвенно связанных между собой сюжетов-повествований состоит вся книга, автора которой вовсе не пугают повторы и накладки.) У Деружинского получается, что «битва шла за Московское княжество, которое захватил Альгерд. Именно поэтому в ней участвовали литовские князья Андрей и Дмитрий Альгердовичи, а на помощь им шел еще и Ягайло. Но узнав о том, что его братья разгромили Мамая, повернул назад» (*1. С. 331*). (Фоменко и Носовский, полные зависти, нервно курят в сторонке.)

Замечу, что и здесь Деружинский, не упускающий момента уничижительно высказаться о «научной исторической методологии» (*см. 1. С. 375 — 379, 389—391 и др.*), не склонен замечать бревна в собственном глазу. Он с готовностью пространно цитирует как источники, так и работы историков в той их части, где это ему выгодно, но абсолютно забывает и о первых, и о вторых там, где они сковывают полет его фантазии. При этом, однажды высказав свое мнение как гипотезу, далее он резко отрывается и от источников, и от литературы, и на крыльях формальной логики воспаряет далеко от «неудобных» фактов. Именно так, например, происходит с гипотезой, согласно которой «Куликовская битва была битвой прежде всего Литвы с Москвой в качестве союзницы — не наоборот» (*1. С. 329*).

Главный плюс «литвинизации» *беларусов* состоит в другом: отождествив их с «титульной нацией» ВКЛ, а затем — с Речью Посполитой, самодеятельный историк (наконец-то!) может сколько душе угодно рассуждать о жестокой и исконной вражде «литвинов» с азиатско-финнской «Московией»: благо в войнах между ВКЛ и ее преемницей Речью Посполитой с одной стороны, и Москвой — с другой не было недостатка!

Получается, например, что в годы Ливонской войны (1558—1583) Иван Грозный вовсе не освободил Полоцк (1563 год) — было другое: «На самом деле оккупанты все население города ограбили, а затем частью вырезали, частью превратили в своих рабов» (*1. С. 336*). И здесь же следует ссылка на источник. Про рабство в нем ничего не говорится, про «все население города» — тоже; присутствует информация лишь о расправе над шляхтой и воинами. Но ведь *беларусы* — это «литвины», это «титульная нация». Так чего мелочиться? Тем более что Ивана Грозного и без того при всем желании весьма сложно заподозрить в излишнем гуманизме.

Или взять Русско-польскую войну за Украину 1654—1667 годов. Для Деружинского эта война, «в которой погиб каждый второй житель страны, очень похожа на Великую Отечественную войну — и беспредельной жестокостью захватчиков, и чудовищными людскими потерями, и массовым партизанским движением» (*1. С. 368*). А разделы Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 годов оказываются «оккупацией» и «трагедией Литвы» (*см. 1. С. 419 и далее*). Дальше «трагедии» следуют одна за одной: Северная война (в которой «погиб каждый третий беларус»), война 1812 года, «национальная катастрофа 1831—1841 годов» (*см. 1. С. 500,* 424—426, *427 — 437*). Промежуточную черту под этим мартирологом подводят «Итоги российской оккупации Литвы—Беларуси» (*см. 1. С. 440 — 441*).

XX век, по логике Деружинского, принес с собой новую «тьму с Востока» (так называется одна из глав книги). Именно Россия, по логике «историка», раздавила Белорусскую Народную Республику (БНР), удобно устроившуюся под охраной штыков немецких оккупантов в 1918 году. Незамедлительно следует категоричный вывод: «Финны уверены, что жизненный уровень населения Беларуси сегодня был

бы выше, чем у них, если бы беларусы в 1918—1919 годах смогли отстоять свою независимость» (*1. С. 444*). О каких конкретно финнах идет речь — непонятно, из чего исходили при подсчетах — неясно. Но этого и не нужно: главное — получилось хлестко и наглядно (Финляндия «отстояла свою независимость» — и катается как сыр в масле, Беларусь не «отстояла» ее — вот и оказалась в ряду европейских лузеров). О том, какую роль в вытягивании большинства населения Финляндии из хронической бедности в послевоенное время сыграли особые (в том числе — экономические) отношения этой страны с бывшим «колонизатором» — СССР, — разумеется, ни слова. Впрочем, стоит ли удивляться?

Следующей «драмой» белорусского народа стало пребывание в составе СССР. Если верить Деружинскому, кровожадная Москва спала и видела, как бы только «подрезать» бедную Беларусь в пользу «азиатской» РСФСР. Так (по «историку» — без всяких на то оснований) последней досталась Смоленская область: «Смоленская область была оставлена РСФСР за якобы “недоказанностью ее белорусской принадлежности”. Единственный аргумент “консультантов” из Москвы заключался в том, что некогда (в 1654 году) Московия отобрала Смоленск у ВКЛ. Это посчитали более “весомым”, чем констатация в царской России (при переписи населения в 1913 году) того факта, что большинство жителей Смоленщины являются этническими беларусами» (*1. С. 476*). Что здесь сказать? Деружинский ставит здесь очередной рекорд, дважды соврав в коротком фрагменте текста: во-первых, никакой «переписи населения» в 1913 году не было, поскольку единственная дореволюционная перепись состоялась в 1897 году; следующая (в границах РСФСР) была проведена только в 1920-м; таким образом, все данные 1913 года носят исключительно оценочный характер и не могут являться самостоятельным аргументом. Во-вторых, дореволюционные переписи вообще не знали графы «национальность» (или подобной ей): фиксировалось вероисповедание — фактор, по которому разделить русских и белорусов (во всяком случае, большинство последних) проблематично. А потому понять, откуда в 1913 году в официальных документах (не важно: в Смоленске или где-либо еще) взялись белорусы, невозможно.

Затем последовала аннексия Западной Беларуси, тогда как «пребывание Западной Беларуси в составе “второй” Речи Посполитой оказалось не “нашей трагедией”, а нашим спасением» (*1. С. 460*). Все иное — «советские мифы». Впрочем, должен ли подобный подход удивлять в авторе, который ощущает себя потомком польских шляхтичей? Поэтому оставим его с его польскими комплексами и пойдем дальше — к, пожалуй, наиболее мерзкому из присутствующих в книге сюжетов. Речь идет о столь болезненной для белорусского самосознания теме, как человеческие потери в период Великой Отечественной войны.

Казалось бы, здесь Деружинскому следовало разойтись по полной: всплакнуть о горькой доле *беларусов* он любит. Выясняется, однако, что его волнует только геноцид, идущий с Востока, тогда как Запад вполне устраивает. Отсюда — дурно пахнущее копание в статистике погибших, с тем чтобы доказать, что из этой статистики следует сначала вычесть показатели, касающиеся «некоренных» военнопленных (*см. 1. С. 504 и далее*), а затем — евреев (которые, по логике любителя «генофондов» Деружинского тоже не *беларусы*); в итоге статистика получается вполне «пристойной» — всего 0,6 миллиона человек из довоенных приблизительно 9 миллионов (*см. 1. С. 512*). Вся эта мерзость нужна для того, чтобы констатировать: «Нетрудно увидеть, что

из числа погибших в войну 500—600 тысяч *беларусов* почти половина либо погибла в войне против СССР, либо входит в число «невозвращенцев», либо была уничтожена карательными органами СССР. По своему характеру война 1941—1945 годов была вовсе не «отечественной», а продолжением гражданской войны (*см. 1. С. 508*). Такие вот «почва» и «кровь»...

(2) **В. В. Деружинский**.
Забытая Беларусь.
Минск, «Харвест», 2012. 496 с.: ил. (Неизвестная история)

Для полноты рассказа упомяну еще об одном опусе Деружинского — «Забытая Беларусь» (2012), прямо продолжающем «Тайны...». Книга написана в том же жанре: она представляет собой не единый текст, а конгломерат отдельных полемических заметок, сведенных в главы по тематическому принципу, поэтому читать ее можно едва ли не с любого места. Методология автора не претерпела никаких изменений, а потому в контексте настоящего обзора самое интересное — это тематический обзор.

Из 26-ти глав семь (*см. 2. С. 27—157*) посвящены главным образом «балтской» проблематике, повторению тезисов о неславянском происхождении *беларусов*, отсутствии у них этнической близости с русскими и украинцами. Еще десять глав (8—17) содержат материалы преимущественно о «литвинской» проблематике и наследии ВКЛ и Речи Посполитой в истории, культуре и религии Беларуси (*см. 2. С. 345*). Особого внимания здесь заслуживают сюжеты, связанные с «территориальными потерями» «исторической Беларуси». К числу таковых Деружинский относит не только уже упоминавшийся выше Смоленск, но и «литвинский» Вильно, а также Белостокскую область, возвращенную Польше в 1946 году (*см. 2. С. 309—327*).

Наибольшее количество новаций содержится в главах 18—25 (*см. 2. С. 346—483*). Здесь уж Деружинский предался русофобии на полную катушку: «Советско-российская оккупация» (*2. С. 353*), «Ордынский атаман Александр Невский» (*2. С. 369*), «Беларусы ждали войны как избавления от Советской власти» (*2. С. 375*), «Каннибализм и коммунизм» (*2. С. 389*), «Кто убил Янку Купалу?» (*2. С. 445*), «Была ли Беларусь колонией России?» (*2. С. 470*) — эти и другие заглавия глав и подглавок достаточно точно передают содержание раздела. Разбирать всю эту гадость нет сил; ограничусь цитатой на тему «российского колониализма»: «Захватив наши земли в результате трех разделов Речи Посполитой, Россия полностью лишила жителей этих земель самостоятельной политической и экономической власти. Управляла ими на основе особого режима...» (и т. п.) (*2. С. 479—480*). Что здесь сказать? Только то, что Деружинский остается в своем репертуаре: врет на каждом шагу.

За неимением места приведу лишь один (но весьма показательный!) пример на этот счет. На странице 481 приведено изображение обложки издания «Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике»; остальную часть текста прочитать невозможно из-за мелкого масштаба фотографии и некачественного ее воспроизведения: можно рассмотреть лишь надпись «Выпуск I». Автор книги — борец с колониализмом, сведения о котором почерпнуты из «Википедии», — патетически восклицает: «Название просто вопиет: "Наши колонии"! Книга издана в 1869 году "на злобу дня" — после восстания 1863—1864 гг.» (*Там же*). Приведем, однако, полное название книги: **А. А. Клаус**. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. (Вып. 1. СПб., Тип. В. В. Нусвальта, 1869). И речь в ней идет, конечно же, не о колонизации Беларуси; она посвящена опыту иностранных (прежде всего — немецких) колонистов, со времен Екатерины II расселявшихся в некоторых районах России — в Поволжье, Крыму и др. Не верите — убедитесь сами: полный текст доступен в Интернете[5]. Сомневаюсь, чтобы этот факт не был известен Деружинскому; убежден, что казус с «Нашими колониями» — не ошибка, а мерзкая и сознательная ложь.

Как, впрочем, все сконструированные им *литвинские*, *балтские* и прочие *беларуские* миры.

[5] *См.* http://oldbook.megacampus.com/index.html#!go=part-531/page.htm&go=part-531/page.htm

Беларуская трагедия Анатоля Тараса

(3) **А. Е. Тарас.**
1812 год — трагедия Беларуси.
Минск, «Харвест», 2012. 248 с.: ил. (Неизвестная история)

А вот фальсификатор рангом повыше: ведь именно А. Тарас положил начало серии «Неизвестная история», в которой вышли оба рассмотренных ранее опуса Деружинского (и далеко не только они); он же редактировал обе книги, а к «Тайнам...» написал еще и предисловие. А потому — знакомьтесь: Анатолий (Анатоль) Ефимович Тарас, любезно разместивший данные о себе в собственном блоге[6]), где презентует себя как «психолога, писателя, редактора», но также и как «беларуского националиста». В прошлом — скромный научный сотрудник НИИ педагогики БССР, кандидат педагогических наук, а затем (и по сию пору) — редактор разных издательств. Деружинский гордо сообщает о себе: я — «тутэйшы» (хотя сам же признается, что мать — родом из Воронежской области, то есть даже этому стальному патриоту Беларуси не удалось избежать инфицирования «московскими» генами). Своей целью определяет «историческое просвещение наиболее активной части народа с целью формирования национального самосознания», хотя тут же признает: «Разумеется,

[6] *См.* http://aljans.org/library/anatol-taras-rasskazyvayet-o-syebye

такая просветительская работа не даст быстрого результата, но иного пути для формирования национального самосознания у нас нет». И далее: «В своих изданиях я уже "охватил" всю историю Беларуси "в целом". Теперь надо детализировать.., обобщить, предложить прогноз на будущее».

Что уж и сказать: к настоящему времени перу А. Тараса принадлежит несколько десятков книг: ну просто ни дня без строчки — от психологии и педагогики до военно-морской тематики и единоборств. Исторической проблематике автор успел посвятить «всего» восемь книг, но зато некоторые переиздавались по нескольку раз: «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV—XVII вв.» (2006 год) — 4 издания, «Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII—XX вв.» (2009 год) — 2 издания, «Костел в нашей жизни» (2010 год) — 2 издания и т. п. Особенно умиляет название сборника, одним из соавторов которого выступил А. Тарас,— «Беларусь превыше всего. О национальной беларуской идее» (2011 год). Как вы поймете далее, название этой последней книги следует понимать буквально. То есть в том смысле, что Беларусь превыше исторической правды тоже.

Обратимся, однако, непосредственно к анализу той книги А. Тараса, которая оказалась в нашем распоряжении. «1812 год...» вышел в свет в той же серии, что и опусы Деружинского, — «Неизвестная история». Автор сразу же берет быка за рога: «Ни российских, ни иностранных авторов никогда не интересовало, чем обернулся 1812 год для наших предков. А он принес им чудовищные человеческие жертвы (в результате военных действий, голода и эпидемий погибло около 25% населения!), колоссальные материальные потери (сопоставимые с бюджетом всей Российской империи) и огромный морально-психологический ущерб. Вот об этом я и хочу рассказать на страницах предлагаемой книги. Сражения между французами и русскими, разумеется, тоже упомяну, но сами по себе они меня не интересуют» (*З. С.3*).

Таким образом, перед нами вновь раскрывается пространство *исторических тайн* — тех, которые *небеларуские* историки либо не пожелали, либо не считали нужным раскрывать. Именно поэтому представители этого профессионального цеха не пользуются никаким доверием со стороны Тараса. Отсюда — его красноречивое замечание *как бы* «технического характера»: «Поначалу я планировал дать в тексте сноски на источники всех цитат, фактических и статистических данных. Но когда подсчитал, оказалось, что таковых набирается более 300 (какой ужас! на целую книгу! аж по 2—3 сноски на страницу! — *П.А.-Д.*). В популярной работе они ни к чему, потому что занимают слишком много места и не помогают восприятию текста, а мешают. Понятно, что профессиональные историки придерживаются противоположного мнения, но сколько их может быть среди читателей предлагаемого очерка? Максимум — одна десятая доля процента. Поэтому сносок в моей книге немного» (*З. С. 8*).

Тут лишь остается добавить: немного — но зато какие! За небольшим исключением, они содержат вовсе не информацию об источниках приводимых сведений (в том числе статистических), а действительно «ценное» — замечания самого автора по частным вопросам. В общей сложности таких сносок набирается более 70 — не 300, конечно, но и не одна-две. А теперь — пару слов о содержании. На странице 28 приводится более, чем обязывающее, замечание: «Рассказы о том, будто Суворов во время похода в Северную Италию "заставил французов плясать" (то есть нанес им ряд серьезных поражений), — легенда, созданная военным историком второй половины XIX века А. Ф. Петрушевским. На самом деле Су-

воров еле ноги унес от войск Ж. Макдональда и Б. Жубера. Он с большим трудом и немалыми потерями вывел свое потрепанное воинство через Альпы в долину Рейна, на территорию Австрии». К этому месту прилагается сноска следующего содержания: «Выдумки Петрушевского, приписавшего Суворову целую серию блистательных побед над французами в пресловутом Итальянском походе, позже повторяли корифеи советской военной истории А. Н. Боголюбов, П. А. Жилин, Е. А. Разин и А. Н. Кочетков». Таким образом, легким движением руки обвинение в необъективности распространяется на всю русскую и советскую военно-историческую науку (включая малоизвестного А. Н. Кочеткова). При этом так и остается за кадром имя хотя бы одного «героя», доказавшего обратное. Ибо если Суворов — всего лишь малозначимый деятель Итальянской кампании 1799 года, то кто-то же должен был об этом писать! Однако Тарас не спешит высказываться на этот счет.

Между тем о выдающихся заслугах Суворова в период итальянской кампании писал не только А. Ф. Петрушевский — действительно видный историк суворовских походов[7]. Гораздо раньше него появилась работа Д. А. Милютина (в дальнейшем — знаменитого военного министра Александра II)[8]. Но и Д. А. Милютин был далеко не первым: за его спиной стоял целый ряд авторитетов, в том числе такой несомненный, как, прямо скажем, небезызвестный прусский военный теоретик Карл Филипп Готлиб фон Клаузевиц (1781—1731), высказавшийся по интересующему нас вопросу предельно ясно: «Мы не решаемся давать характеристику этого знаменитого человека, так как все черты его хорошо известны, и мы не чувствуем себя достаточно вооруженными для более подробного изображения его удивительной индивидуальности. Упомянем только о том, с чем согласны все, что это человек пламенной воли, большой силы характера, отличавшийся крупным природным умом, прошедший хорошую школу в войнах против турок. Если эта школа и не была вполне достаточной для ведения войны с французской армией и грубая своеобразность его простого разумного руководства часто создавала затруднения в той сложной деятельности, какой является война между образованными народами, то всем известно, что его чудачества были лишь взятой им на себя ролью, которую его острый ум разыгрывал только по внешности, но он никогда не допускал их в решительных вопросах. Если даже принять во внимание в этих сложных отношениях и формах войны между образованными народами австрийский генеральный штаб, во главе которого стоял весьма образованный и выдающийся человек (генерал Шателер), то все же никоим образом нельзя умалять индивидуальных заслуг Суворова. Самый превосходный генеральный штаб с правильными взглядами и принципами не может послужить к хорошему руководству армией, если отсутствует душа великого полководца; но направление взглядов и воли, свойственное натуре великого полководца, является превосходным коррективом против учености генерального штаба, вплетающейся в его планы там, где без него, как инструмента, обойтись нельзя. Если австрийцы под начальством Края одержали победу при Маньяно, что служит к чести их оружия, то без Суворова они не выиграли бы сражений при Кассано, Треббии и Нови. В этих победах нельзя не признать своеобразного характера энергии Суворова и меткости его взгляда»[9].

[7] *См.* **А. Ф. Петрушевский.** Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884..

[8] *См.* **Д. А. Милютин.** История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. СПб., 1852—1853.

[9] **К. Клаузевиц.** 1799 год. М., 1938. — http://militera.lib.ru/h/clausewitz1/02.html

Да простится мне столь пространная цитата: полагаю, что, во всяком случае, она не оставляет никаких оснований для сомнений — ибо Клаузевица, младшего современника описываемых событий, невозможно обвинить в чрезмерной симпатии к России и русским: как никто, он подходит для роли объективного стороннего наблюдателя, да при этом еще и специалиста.

Впрочем, едва ли приведенная цитата убедит А. Тараса и его единомышленников, основой исторических представлений которых являются не факты, а искренняя и горячая вера в «*беларуское дело*». Что прослеживается, разумеется, далеко не только на уровне сносок. Начнем с главного — с круга источников тарасовского «труда». Азы для историка — четкое разделение между информацией *источника stricto sensu* (дающего первичную информацию о событиях, содержащего свидетельства современников) и *литературы stricto sensu* (то есть мнений позднейших исследователей о содержании источников, изложенных в виде трудов общего характера, монографий, научных статей и т. п.). Именно четкое разделение между источником и литературой позволяет избежать смешения объективной информации и позднейших интерпретаций и тем самым минимизировать роль субъективного фактора в процессе исследования.

К книге А. Тараса все это имеет самое прямое отношение, ибо все его заявления о том, что его текст является «популярной работой», — сплошное лукавство. Задача популярной работы — изложить простым и доходчивым языком, доступным широкому читателю, выводы, *уже сделанные* профессиональными историками. Если же речь идет о выводах принципиально иного плана, если ставится задача пересмотра сложившихся представлений (а именно на это претендует А. Тарас — *см. 3. С. 3*), то популярными работами такие задачи не решаются. Здесь нужен полноценный научный труд, построенный на надежной фактической основе.

Какова же фактическая база выводов А. Тараса? На страницах 238—240 представлен список, озаглавленный «Источники цитат» (в основном тексте к нему отсылают цифры в квадратных скобках); в нем — 80 позиций (а совсем не 300). Часть ссылок дана на архивные документы из Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) (№№ 54, 55, 56, 58, 61, 62, 73). Однако нельзя понять, работал ли А. Тарас в этом архиве или позаимствовал информацию из вторых рук, просто «забыв» указать данные об источнике сведений. Во всяком случае, названий фондов он не приводит, ограничившись лишь номерами: 333, 295, 136, 2001. Таким образом, остается неясным вопрос, были ли введены в научный оборот новые данные или нет.

Далеко не все очевидно и с источниками опубликованными. Иногда ссылки на цитаты из таковых отсутствуют полностью, из-за чего идентифицировать их практически невозможно: в лучшем случае делаются самые общие оговорки типа «М. Б. Барклай де Толли писал в секретном послании литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову» (когда, при каких обстоятельствах, где опубликовано — проверить невозможно) (*см. 3. С. 51, 58, 63, 102, 116, 125, 126, 170, 180 и др.*). В других случаях источник обозначен весьма невнятно, что также осложняет его идентификацию: «Из работы профессора А. Л. Погодина “Наполеон и Литва”» (*3. С. 93*); «комендант Витебска и одновременно военный комиссар Белоруссии маркиз Де Пасторе позже вспоминал в своих “Записках” (и т. п.)» (*3. С. 98*, *см.* также: *3. С. 128—130*).

Особенно досадной представляется ситуация, когда отсутствие точных ссылок не позволяет проверить

важные статистические данные; так и остается неясным даже то, взята ли соответствующая информация из источника напрямую или же она представлена после пересчета (экономисты и специалисты по статистике хорошо понимают, о чем идет речь). Именно так, без комментариев, на страницах 73—74 приведены данные о количестве рекрутов, взятых с территории Белоруссии; при этом источник данных обозначен весьма условно: «...как свидетельствуют документы Военно-учетного архива Генерального штаба императорской армии» (остается только догадываться, сколько тысяч листов архивных материалов попадают под эту рубрику). В примечании к странице 76 излагаются данные о нормах солдатского довольствия, представленные в метрических мерах и взятые вообще неизвестно откуда, и т. п. (*см.: 3. С. 78, 84, 160, 162, 166, 211, 213, 217*).

Возможно, большая часть этих данных (или даже все они) соответствует действительности. Но поверить А. Тарасу на слово не получается — слишком уж априори ангажирована его исследовательская позиция. Уверенно приравнивая свое перо к штыку, он не брезгует никакой возможностью бросить камень в ненавистных русских. Среди прочего это хорошо видно по тем принципам отбора и комментирования иллюстративного материала, которого он придерживается. Так, например, на странице 89 представлена фотография, подпись под которой гласит: «Сгоревший армейский склад». Она представлена в разделе «Уничтожение собственных запасов» (*3. С. 87 и далее*) и, судя по всему, призвана иллюстрировать безжалостность отступающих русских войск, не думающих о местных жителях и оставляющих за собой «выжженную землю». Но так и остается неясным ни то, где расположен этот сгоревший склад, ни то, когда произошел пожар, ни то, кстати, был ли этот пожар вообще, или склад пришел в ветхость и развалился сам, — слишком уж много бурных и трагических событий произошло на белорусской земле уже после 1812 года. Точно так же повисает в воздухе ответ на вопрос: когда было разрушено здание, фотография которого с подписью «Разрушенное имение» представлена на странице 220 в разделе «Материальный ущерб» (*см. 3. С. 215 и далее*). Возможные варианты ответа: 1795, 1812, 1905—1907, 1917—1918, 1941—1944, 1992—1995 годы и т. п. Но если никакой внятной информации эти иллюстрации не несут, то зачем они вообще? Для придания большего трагизма стилистике изображения? Вопрос представляется риторическим.

Но это — иллюстрации. А вот — о корректности цитирования, в которой А. Тараса также заподозрить невозможно. На странице 217 читаем: «Во время контрнаступления российских войск осенью 1812 года, как писал российский автор в книге, изданной в 1905 году, “смятение населения Минска было ужасно. Поляки [не поляки, а белорусы — католики и униаты. — *Авт.*] и сам губернатор Броникoвский бежали, не успев захватить ни ценного имущества, ни даже необходимых вещей”». Замечание, приведенное в квадратных скобках, принадлежит А. Тарасу, который, разумеется, гораздо лучше неизвестного автора неизвестной книги знает, кто спешно спасался бегством из Минска в 1812 году; знает, а потому — правит свой источник уверенной рукой, коренным образом меняя содержание цитаты и не оставляя читателю ни малейшей возможности убедиться, что оговорка сделана корректно.

Так обстоит дело с фактами. А теперь — о степени новизны проблематики: с ней тоже не все так просто, как можно было бы подумать из заявлений самого А. Тараса (*см. 3. С. 3*). К изучению ущерба, нанесенного войной 1812 года населению и хозяйству

белорусских областей Российской империи, он обратился далеко не первым. Судя по собранным мной данным (априори далеко не полным, ибо сам я не являюсь специалистом по истории войны 1812 года), в Беларуси сложилась целая школа изучения означенной проблематики. Видимо, наиболее последовательно этим занимается кандидат исторических наук Ю. И. Литвиновская (Минск), в 2004 году защитившая диссертацию по теме «Беларусь в войне 1812 года: социально-экономический аспект» и опубликовавшая серию статей на эту тему (именно из них заимствовано 9 из 80 цитат А. Тараса — *см. 3. С. 238—241. №№ 22, 27, 30—36*).

Кроме того, близкий круг проблем в той или иной мере исследуется учеными разных поколений — В. В. Шведом (Гродно), В. А. Сосно (Минск), Б. И. Сидоренко (Могилев), Д. Н. Петровым (Могилев), А. А. Цинкевич (Минск), С. В. Морозовой (Гродно), Е. Н. Филатовой (Минск) и др. Впечатляющим событием в истории исследования процессов в белорусском обществе в связи с событиями войны 1812 года стала проведенная в ноябре 2012 года в Минском государственном университете Международная научная конференция «Война 1812 года и Беларусь»[10]. Разумеется, все названные историки придерживаются неодинаковых методологических и концептуальных представлений. Разумеется также, что целый ряд проблем до сих пор остается недостаточно исследованным академической историографией — это проблема из числа вечных. Нельзя сказать только одного — того, что своей книгой А. Тарас вспахивает целину, до него никем не освоенную.

Остается предположить, что новации связаны не с фактической стороной событий, а с их трактовкой. И действительно, выводам А. Тараса свойственна известная хлесткость. Вот некоторые образчики его стиля: «В результате массового беспощадного ограбления наших земель русскими, потом французами, потом снова русскими вся территория Беларуси к лету 1813 года представляла собой сплошную зону бедствия. За 12 месяцев (июль 1812 — июнь 1813) наша страна потеряла каждого четвертого жителя, половину посевных площадей, две трети поголовья лошадей. Были ограблены 90% храмов всех конфессий... Только хорошие урожаи 1813 и 1814 годов (и картошка!) позволили избежать массового голода» (*3. С. 234*). Памятники русским воинам, по мнению Тараса, — это памятники «войскам страны, уничтожившей наше древнее государство (Великое Княжество Литовское) и поработившей наших предков на 220 лет! Те, кто воздает им почести, — это люди, наплевавшие на трагическую историю своего Отечества и своего народа» (*3. С. 236*) и т. п.

Эти опыты в прикладной русофобии весьма напоминают разобранные выше писания Деружинского. Но и у первого, и второго есть наставники покруче. Например те, которые работают в белорусской редакции «Радио Свобода». Вот, например, как по тому же поводу высказался некоторое время назад его сотрудник Владимир Орлов (Уладзімер Арлоў): «Эта война в нашей истории на самом деле имела кардинально иной характер, чем у восточных соседей. Для Литвы—Белоруссии, которая только недавно попала в когти двуглавого орла, она не была отечественной. Однако это определение, данное имперской российской историографией, до сих пор тиражируется белорусскими учебниками и энциклопедиями (к сожалению, присутствует и в Энциклопедии истории). Не одна элита, но и широкие круги населения бывших земель Ве-

[10] Программу конференции *см.*: www.hist.bsu.by/konf1812.html

ликого Княжества Литовского связывали с походом Наполеона надежды на возрождение своего государства. Крестьяне надеялись на освобождение от крепостничества»[11].

Думаю, что здесь не нужно никаких комментариев. Остается лишь добавить, что и «Уладзімер Арлоў» — далеко не первый из тех, кто высказывается подобным образом. Так, например, в близких выражениях по тому же поводу (но, естественно, по отношению не к Беларуси, а к Литве) не так давно выступила и министр обороны Литовской Республики Раса Юкнявичене[12]. Интересно, что бы она сказала А. Тарасу по поводу идей «литвинства» белорусов? А главное — как бы отнеслась к трактовке ВКЛ как «*беларуского* государства»? О, думаю это была бы великая битва: министр обороны — в красном углу ринга, мастер боевых искусств (о которых А. Тарас написал уже целую библиотеку) — в синем. Остается только жалеть о том, что в реальности подобный поединок невозможен.

В общем, message Тараса вполне понятен: русофобия любыми средствами; при необходимости сгодится и история войны 1812 года. Главное — правильно подать.

[11] Русский перевод *см.*: http://inosmi.ru/belorussia/20101203/164642526.html (оригинал: www.svaboda.org/content/article/2236438.html).

[12] *См.*, например: www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0918.html

Академическая наука: рубеж обороны

Возникает вопрос: а что же академическая наука? Как она относится к националистическим экзерсисам деружинских и тарасов? Какова ее позиция по ключевым вопросам национальной истории? Надо сказать, что при ближайшем рассмотрении эта позиция выглядит достаточно взвешенной. И не случайно.

(4) **Е. К. Новик, И. Л. Качалов, Н. Е. Новик**. История Беларуси. С древнейших времен до 2012 г. Изд. 2. *Минск, «Вышэйшая школа», 2012*

Дело в том, что в Беларуси (в отличие от России и большинства других постсоветских государств) развал образования и науки не достиг таких ужасающих масштабов, как у восточного соседа. Период экономического хаоса занял здесь несопоставимо меньшее время, а шельмование интеллигенции, не способной «войти в рынок», сошло на нет уже во второй половине 1990-х годов. Именно поэтому академический сектор, при всех объективных трудностях, сохранил поразительные для небольшой страны дееспособность и системность. Отсюда — при отсутствии «выдающихся» открытий, несомненные добротность и основательность исторической литературы, в частности — дидактической.

За недостатком места ограничусь немногими, но весьма показательными примерами. Вот, например, учебник

Е. К. Новика, И. Л. Качанова и Н. Е. Новик по истории Беларуси для студентов высших учебных заведений, опубликованный в 2010 году и переизданный в 2012-м. На все острые вопросы, затрагивающие сферу национального самосознания, он дает взвешенные и аргументированные ответы.

1. Проблема этногенеза белорусов. В несколько старомодной, но зато основательной манере авторы дают подробный обзор, с одной стороны, фактического материала, а с другой — существующих концепций (в том числе так называемой новой концепции М. Ф. Пилипенко, обращающего внимание на роль балтского элемента в процессе этногенеза). При этом вопрос о славянской принадлежности белорусов сомнению не подвергается, и никаких оснований для «литвинской концепции» не остается (*см. 4. С. 13—22*).

2. *Происхождение названия «Белая Русь»*. В трактовке этой проблемы авторы, следуя своей спокойной и доказательной манере, ссылаются на широкий круг источников и материалы этнографического характера и приводят основные существующие версии, не отдавая приоритета ни одной из них. Констатируется лишь, что со второй трети XVI века термин «Белая Русь» закрепляется за землями современной Центральной и Восточной Беларуси (*см. 4. С. 22—28*).

3. Этническая составляющая ВКЛ. Великое княжество характеризуется как «полиэтническое государство четырех основных народов — белорусского, русского, украинского и литовского, где славяне занимали приблизительно $^{11}/_{12}$ территории и составляли около 80 процентов населения страны. Литовцы в этом государстве являлись этническим меньшинством. Поэтому, на наш взгляд, Великое княжество Литовское можно назвать литовско-русским или русско-литовским государством, как это утверждалось в дореволюционной российской и советской историографии» (*4. С. 69*). При этом при характеристике государственного строя ВКЛ основной упор делается на подчеркивание не различий, а сходства с Московской Русью (*см. 4. С. 80—86*).

4. *Проблема формирования белорусской народности* связывается с историей ВКЛ, однако в качестве основополагающего выдвигается конфессиональный фактор. Подчеркивается, что «в ходе противостояния восточнославянской, православной, и западнохристианской, католической цивилизаций, постоянной дискриминации православных белорусский этнос постепенно лишался социальной верхушки в лице шляхты, которая в обмен на собственные права и привилегии предала свой народ, отказалась от религии, языка и культуры, добровольно признала себя частью другого, польского, этноса» (*4. С. 101*). Специально оговаривается тот факт, что история этой шляхты не идентична истории белорусского народа. Следовательно, ВКЛ первой половины XVI века уже не может рассматриваться как белорусское государство. Тем более таковым не может считаться Речь Посполитая, которая характеризуется как «сложное государственное образование с элементами федерализма и конфедеративности, где была сильная тенденция к полной независимости Великого княжества Литовского» (*4. С. 115*).

5. *Разделы Речи Посполитой* характеризуются достаточно нейтрально и не рассматриваются как трагедия белорусского народа (*см. 4. С. 142—147*). Показательно, однако, что (в отличие от представлений прошлых лет) ничего не говорится и о позитивности факта присоединения к Российской империи.

6. Отечественная война 1812 года на территории Беларуси. Подчеркивается колоссальность ущерба, нанесенного белорусским землям. Термин «Отечественная война» не оспаривается, но и не обосновывается, а употребляется скорее по инерции (*см. 4. С. 174—181*).

7. *Польское восстание 1830—1831 годов на территории Беларуси* рассматривается в одном контексте с движением декабристов на белорусских землях. Фактический материал, связанный с событиями 1830—1831 годов разбирается довольно подробно (*см. 4. С. 181—193*). Поражение восстания как национальная трагедия Беларуси не рассматривается — наоборот, подчеркивается, что царский указ от 18 июля 1840 года не содержал мер, направленных непосредственно против белорусов. Ни о каком переименовании «литвинов» в «белорусов» и запрете употребления термина «Литва» не говорится (*см. 4. С. 190—193*).

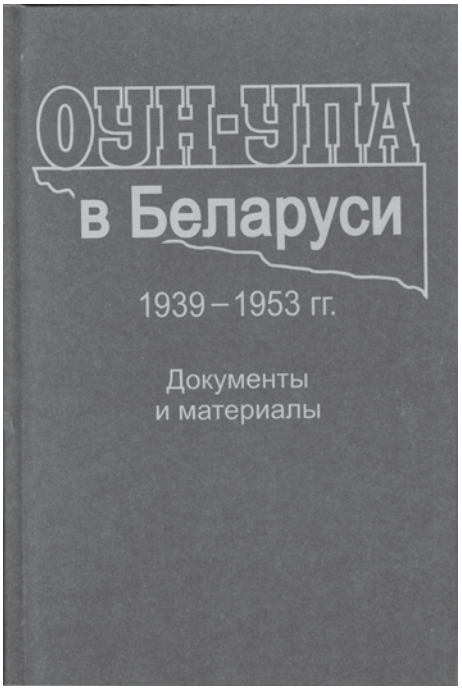
8. *Польское восстание 1863—1864 годов на территории Беларуси* рассматривается как национально-освободительное движение (*см. 4. С. 213—219*). Вместе с тем подчеркивается «направленность шляхетского руководства восстания на реализацию в основном польских государственных и социально-культурных интересов», что не способствовало его активной поддержке литовским и белорусским населением (*см. 4. С. 218*). Важно подчеркнуть, что в противовес позиции, занятой белорусской националистической историографией, авторы учебника подчеркивают: «Вхождение белорусских земель в состав Российской империи было единственным спасением белорусской народности от уничтожения ее поляками, поскольку в результате насильственной политики полонизации и окатоличивания белорусский этнос окончательно перестал бы существовать» (*4. С. 219*). Полагаю, что комментариев здесь не требуется.

9. Провозглашение Белорусской Народной Республики (БНР) в 1918 году оценивается авторами очень взвешенно. С одной стороны, приводится значительный фактический материал, связанный с этим событием; с другой — подчеркивается, что все более активное сотрудничество руководства БНР с немецкими оккупантами «все больше отдаляли руководство БНР от белорусского народа, лишали Раду и правительство самопровозглашенного государства его поддержки». В целом выраженной позитивной оценки акта провозглашения БНР не дается (*см. 4. С. 304—308*). Возникновение же белорусской государственности по-прежнему связывается с провозглашением Белорусской Советской Социалистической Республики в 1919 году (*см. 4. С. 308—312*).

10. Результаты пребывания Западной Беларуси под властью Польши в 1921—1939 годах расцениваются однозначно негативно, прежде всего по причине активной полонизации «кресов всходних» (*см. 4. С. 372—378*). В то же время вхождение Западной Белоруссии в состав СССР оценивается однозначно положительно (*см. 4. С. 385—387*).

Такова в общих чертах та картина истории Беларуси, которая рассчитана на студентов высших учебных заведений страны. Она имеет крайне мало общего с патетической русофобией националистической историографии. Но главным являются даже не выводы авторов как таковые, а тот широкий круг источников, на который они опираются, а также хорошее знакомство с научной литературой, в том числе и правонационалистического толка.

(5) «ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг.: Документы и материалы». Сост. В. И. Адамушко и др.; редкол.: В. И. Адамушко и др.. Изд. 2. *Минск, «Вышэйшая школа», 2012. 528 с.*



Дополнительное свидетельство в пользу этой фундаментальности — сборник документов и материалов по истории деятельности ОУН-УПА в Белоруссии в 1939—1953 годах, рассчитанный в том числе и на студентов высших учебных заведений. Он подготовлен большой группой исследователей под общей редакцией В. И. Адамушко — кандидата исторических наук, директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции РБ. Следует подчеркнуть, что украинские националисты активно действовали на территории белорусского Полесья, где они начали создавать свои структуры еще в 1930-е годы. Именно поэтому история ОУН-УПА частично затрагивает и национальную историю Беларуси.

Сборник впечатляет все той же основательностью и добротностью, что и приведенный выше учебник. Он открывается вступительным исследованием, содержащим основные сведения по истории и структуре ОУН-УПА, вплоть до ликвидации ее групп и отрядов на территории Беларуси, а также археографическим введением. В сборник вошли 295 документов из Национального архива РБ, Государственного архива Брестской области, Центрального архива КГБ Беларуси, Управления КГБ по Брестской области, а также из РГВА. Кроме того, включены 24 документа из ранее опубликованных сборников; большая же часть остальных документов публикуется впервые. Книга включает идеально составленные комментарии и указатели.

Национальная историографическая традиция, в рамках которой документы публикуются на столь высоком уровне, несомненно вызывает огромное уважение. Очевидно, что «национал-романтикам» просто нечего ей противопоставить.

Или это не так? Об этом — ниже.

Кто победит?

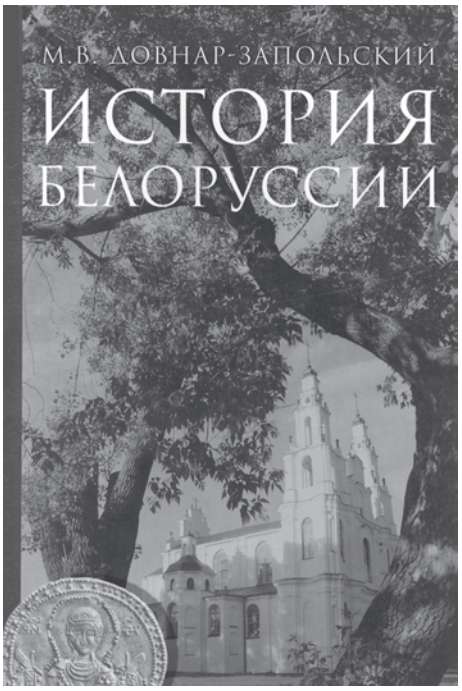
Последняя книга, о которой пойдет речь, — «История Белоруссии», написанная одним из классиков белоруссистики — Митрофаном Викторовичем Довнар-Запольским (1867—1934). Выпускник, а позднее — многолетний профессор Киевского университета св. Владимира, М. В. Довнар-Запольский являлся учеником знаменитого В. Б. Антоновича (1834—1908), главы украинских историков, одного из пионеров исследования истории ВКЛ в российской историографии. Поборник украинизма, В. Б. Антонович активно сотрудничал с одним из отцов-основателей украинского национализма М. П. Драгомановым. На Украине именно ученики Антоновича, и прежде всего М. С. Грушевский — видный украин-

ский историк, в будущем — председатель прогерманской Центральной Рады, заложили основы национально-романтической школы в украинской историографии 1920-х годов — в период борьбы с «великорусским шовинизмом».

М. Довнар-Запольский же известен прежде всего как страстный проповедник белоруссизма. Его публикации по фольклору и краеведению Беларуси появляются начиная с 1880-х годов. Проживая и преподавая в Киеве, он активно участвует в белорусском национальном движении в 1900-е годы, а в 1918 году с восторгом встречает весть об основании БНР. Отношение к «белорусскому вопросу» вызвало раскол в семье ученого — его оставили жена и сыновья, вступившие в большевистскую партию (*см. 6. С. 7*). Тем не менее именно в это время Довнар-Запольский приступил к написанию своего главного труда — «Истории Белоруссии». Все попытки издать ее в Советской Белоруссии закончились провалом даже в 1925—1926 годах, в период борьбы с «великорусским шовнизмом» (*см. 6. С. 12—13*). Лишь в 1994 году книга увидела свет в переводе на белорусский язык. На русском же (языке оригинала) она вышла только в 2011 году, зато — в главном белорусском издательстве «Беларусь» тиражом в 1800 экземпляров.

В контексте нашего разговора сам по себе факт выхода книги имеет большее значение, чем ее содержание.

(6) **М. В. Довнар-Запольский**. История Белоруссии. Изд. 3. *Минск, «Беларусь», 2011. 591 с.*



Тем самым государство (собственник издательства) как бы подает определенный знак обществу и кажется, этот знак — скорее шаг в сторону «национально ориентированной» историографии.

Разумеется, белоруссизм Довнар-Запольского — не чета экстремизму Деружинского и Тараса; он выглядит намного более умеренным и академичным. Тем не менее знакомство с содержанием книги не оставляет сомнения в том, что, помимо некоторых положений польской историографии (воспринятых, кажется, весьма грубо и поверхностно), именно представления Довнар-Запольского стали отправным пунктом для формирования позднейших национал-исторических воззрений.

Перечислю лишь наиболее значимые концептуальные представления «классика»: изначальная этническая близость белорусов к полякам (а не к русским) (*6. С. 23*); принадлежность Смоленска к белорусским землям (*6. С. 36 и далее*); восприятие не только ВКЛ как белорусского государства (пусть и совместного с литовцами) (*6. С. 52 и далее*), но и Речи Посполитой XVI—XVIII веков как «польско-литовско-белорусского» государства (*6. С. 240 и др.*); «русское владычество» в Белоруссии после разделов Речи Посполитой (*6. С. 248 и далее*); трактовка событий войны 1812 года применительно к Белоруссии (*6. С. 252—254*); подчеркивание того факта, что лидерами польского вос-

стания 1863 года были «настоящие белорусы, но полонизированные» (*6. С. 282*); характеристика отношения не только правительства, но и русского общества к белорусской культуре как негативного, крайне широкое «понимание белорусскости» (когда белорусом «становился» даже Ф. М. Достоевский) (*6. С. 350 и далее*); восторженная оценка не только «национального возрождения» 1900-х годов, но и БНР, провозглашение которой рассматривалось как закономерный итог «борьбы за государственность» (*6. С. 477 и далее*). Но главное — сочувствие «горемычной доле белоруса» (*6. С. 430*) у Довнар-Запольского слишком часто отдает, с одной стороны, идеализацией крестьянской жизни, а с другой — привкусом расизма (ощутимым, например, тогда, когда крестьянину-белорусу с несколько чрезмерной навязчивостью противопоставляется рабочий-еврей (*6. С. 455 и др.*)).

Многое из того, что у Довнара-Запольского сказано мягко и интеллигентно, современные националисты повторяют жестко и грубо — это правда. Но повторяют — а не выдумывают заново. И в этом видится не случайность, а закономерная тенденция.

В современной науке достаточно подробно изучен процесс нациогенеза (или «нациестроительства»). Хорошо известно, что он начинается с конструирования национального языка и истории. Беларусь, как и большинство других постсоветских республик, прошла этот этап еще в 1920—1930-е годы. Теперь же семена, некогда посеянные довнар-запольскими, приносят свои плоды. Но даже вне зависимости от них, сама логика процесса строительства национального государства требует окончательного разрыва со «старшим братом». И пусть академическая наука еще придерживается старых подходов, подвергая их довольно осторожной (и нередко — оправданной) корректировке, но постоянно переиздающаяся (а значит — неплохо раскупаемая, вызывающая широкий интерес) популярная историческая литература все более активно транслирует в общество те представления о прошлом, которые свойственны «национально ориентированной» (по большей части — связанной с католичеством или униатством) части интеллигенции. Очевидно, что проникновение элементов этих представлений в академическую историографию — лишь вопрос времени. ◆